

**В СЕРИИ
«ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Твои глаза бездонные
Тихо ночью на степи
Луной был полон сад
Ты одна — вся жизнь
Жасмин ещё цвёл
Всем смертям назло
Вышел месяц из тумана
Звёзды над обрывом
Развяжите мои крылья

Анастасия Туманова

РАЗВЯЖИТЕ МОИ КРЫЛЬЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Развяжите мои крылья / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 404 с. — (Дорогой длинною).

ISBN 978-5-521-92508-7

Лето 1933 года. Со всей страны в Сибирь тянутся «ссылные» эшелоны с кочевыми цыганскими таборами. В одном из вагонов — арестованные по ошибке дочери актрисы Нины Молдаванской. Одна из сестёр вырвется на свободу. Другая — послушается своего сердца — и останется в таборе. Удастся ли Светлане и Маше встретиться вновь? Что ждёт цыган в холодной и далёкой Сибири? И кто вызволит девушку-цыганку из ссылки, рискуя собственной жизнью?

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92508-7

© Туманова А., 2023
© Бенимана Д., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

*Автор благодарит Фонд цыганской
культуры и истории
Николая Бессонова и артистку
эстрады Екатерину Шаикову
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

Пролог

Табор стоял пустым. Под беспомощно разбросавшими полотняные крылья палатками валялись подушки, бугрились измятые после ночного сна перины, поблёскивала острыми краями расколотая посуда. На кусте калины неподалёку пестрели не снятые после стирки рубахи и кофты. Прямо посреди табора, словно в насмешку, кто-то бросил новый, сияющий под полуденным солнцем самовар. Лёшка зачем-то поднял его, поставил, рукавом рубахи протер испачканное землёй самоварное пузо. Увидел в медном боку собственную расползающуюся физиономию, хмыкнул было, — но из горла вырвался лишь странный, жалкий сип. Окликнуть друга, минуту назад нырнувшего в палатку, тоже не получилось.

Всего час назад Лёшка и Семён, вернувшись из города, увидели свой опустевший табор — и через минуту уже бежали, задыхаясь от ужаса, по примятому в траве следу — через луг, через берёзовую лесополосу, через пересохшее болотце, растоптанное сотней ног, — к железнодорожным путям. Там не было ни единой человеческой души — но на насыпи сидели, тоскливо подвывая, полтора десятка лохматых таборных псов. А на рябине висел красный платок Сенькиной жены. Он не был брошен на ветви впопыхах: было видно, что Ме-

ришка привязала его крепко и тщательно — чтобы не сдуло ветром. Это был знак.

Вскоре друзья в четыре кулака колотили в калитки деревянных домишек близ станции. Но в домах было пусто: люди ушли на работу. В одной хате обнаружилась глухая старуха, которая явно слезала с печи в последний раз ещё при Керенском, в другой — двое ребятишек, которые, испугавшись чёрных, лохматых, взбудораженных мужиков, метнулись в дом, заперлись и упорно молчали в ответ на самые ласковые обещания. Выматерившись от отчаяния, Семён зашагал к железнодорожной будке. Но тётка-стрелочница подняла такой крик и так решительно вытолкала опешивших цыган за порог («А ну пошли вон, не до вас, у меня через пять минут скорый на Ярославль, кыш, милицию позову!»), что никакого разговора не вышло.

— Увезли наших всех... — в который раз прошептал Лёшка. — Заарестовали и увезли. Морэ, что же нам... — он осёкся на полуслове, потому что Семён заорал:

— Через тебя всё, сукин сын! Если бы не ты! Не рожь твоя пьяная! Всю ночь на тебя, гада, убил, а тут в это время... моих... всех моих... Детей... Меришку... Бабку с дедом... Без меня!

И Лёшка ясно осознал, что сейчас получит по морде. И зажмурился. Однако Семён, не глядя больше на него, уже летел во все лопатки обратно, через рощицу и луг, к брошенному табору. Лёшке оставалось только припустить следом.

И вот сейчас он сидел на траве, боясь открыть рот, и испуганно смотрел, как Семён ходит из палатки в палатку. Чуть погода, набравшись смелости, Лёшка осторожно спросил:

— Морэ, а что ты делаешь? Зачем?

Семён поднял на него тяжёлый взгляд. Тихо, спокойно сказал:

— Затем, что собраться нашим, видать, разрешили. Золотишко своё бабы успели похватать, подушки вон, одежку кое-

какую. Значит, всё-таки не... — и вдруг, не договорив, он неслышной тенью шагнул в густые заросли бузины.

Лёшка юркнул следом, распластался на траве, вытянул шею, тут же получил по затылку, уронил голову наземь — и через минуту томительного ожидания услышал шаги.

Это был молодой ещё парень с уже испытанным, красным лицом, в потрёпанной кепке, сбитой на затылок. Из-под зашнурованного пиджака виднелась кое-как застёгнутая серая рубашка. Он был один и шёл к цыганским палаткам, то и дело оглядываясь по сторонам, останавливаясь и приседая. Подойдя совсем близко, так, что окаменевшим в бузине цыганам отчётливо стали видны болтающиеся пуговицы на его пиджаке, парень ещё раз осмотрелся. Вокруг было тихо-тихо, лишь высоко над полем заливался в небе жаворонок. Нежданный гость усмехнулся — и нырнул в палатку Семёна.

Его не было довольно долго. Лёшка, уже сообразивший, что происходит, то и дело порывался вскочить, но Семён взглядом удерживал его на месте. Вскоре незваный гость появился из шатра с огромным пухлым узлом, из которого свешивался жёлтый, в крупный синий горох рукав Меришкиной кофты.

«Ах ты, сукин сын...» — зажмурился Лёшка. Друг молча вскочил — и через мгновение вор лежал на земле, сипя и тщетно пытаясь вывернуться. Семён сидел на нём верхом.

— Да вы что? Да вы это... Цыгане... Мужики, с ума, что ль, вы... Я ж ничего! Я ж так зашёл! Поглядеть! Ничего такого вовсе даже...

— «Так зашёл», дорогой мой? — вежливо переспросил Семён, заламывая ему руку. Парень завыл:

— Отпусти-и-и, больно! Кто ж знал, что вы тут окажетесь-то? По другим-то таборам кругом — никого! Вы-то откель взялись?

— По каким «другим»? — опешил Семён, ослабив хватку. Парень юрко, как ящерица, вывернулся из-под него, вскочил, кинулся было к дороге — но на него, с треском выломившись из кустов, медведем навалился Лёшка:

— Стой! Сволочь! Убью, чтоб тебе издохнуть! Вот как сейчас...

Семён, едва успев вскочить, в последний момент перехватил Лёшкин кулак.

— Переячь! Мэк лэс, ракирава!¹ А ты, мил человек, сядь. Не бойся, не тронем. И заберёшь потом, что сам захочешь.

— Да?... Ну.. спасибо на доброты вашей, цыгане... — недоверчиво проворчал парень, усаживаясь на примятой траве и опасливо переводя взгляд с одной мрачной смуглой физиономии на другую. — Вы извиняйте, коли что. Кабы знал, что вы тут... В других-то местах вовсе пусто: нет никого, одни палаточки!

— В других? Где это? Да не бойся ты! Тебя как звать?

— Володькой. Мы местные, заводские, из слободы, вон трубы торчат...

— И что ты у цыган делаешь? За каким лешим по таборам ходишь? Этак ведь, знаешь, и убить могут, коли попадёшься!

— Да вы меня за кого держите-то, цыгане? — неожиданно оскорбился Володька, вытирая кулаком струйку крови, бегущую из ноздри. — Небось, не бандит... Просто зачем же добру пропадать, коли никому не надобно? Наши слободские уже вторы сутки по таборам-то, значит, брошенным лазят! Коли цыган угнали, а барахло побросано, так чего ж не взять?

— Угнали?..

— А вы не знали, что ль? — поразился Володька. — Во-он там, за Рогожской, два табора стояли, всё мужики ихние со

¹ Перестань! Пусти его, говорю!